

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОМПОНЕНТОВ СЕМАНТИКИ СИНКРЕТИЧНОГО ПРОИЗВОДНОГО ИМЕНИ «ЧУДАК» ПРИ СТРУКТУРНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ

О.В. Нагель

Аннотация. Производное имя «чудак» рассматривается как языковая репрезентация концепта «странности». Ставится задача выявления степени «прочитки» закодированной информации в производном имени «чудак» при переводе с фокусом на то, как и насколько адекватно при всей соотносительности концептов в двух культурах отбираются структурно эквивалентные соответствия для передачи активности того или иного компонента в семантике синкретичного имени.

Ключевые слова: синкретичный дериват, концепт, ментальный опыт, межязыковое сопоставление, оценка и эмотивность.

В настоящее время считается, что языковые структуры разного порядка не существуют вне взаимосвязи с местом хранения и реального воспроизведения, т.е. понятие о языке как о монолитной системе заменяется идеей о том, что язык – это массивная организация разнородных конструкций, которые неразрывно связаны с контекстами и находятся в постоянном процессе структурной адаптации к использованию.

Когнитивная семантика постулирует менталистическую теорию знания, идентифицируя его с концептуализацией, с ментальным опытом.

Согласно энциклопедическому подходу к природе значения границы между семантикой и прагматикой, лингвистическим и нелингвистическим знанием не существует. Многочисленные исследования доказали несостоятельность наивной метафоры о том, что языковые единицы – это контейнеры, содержащие готовые, фиксированные и количественно ограниченные значения. Любое языковое выражение рассматривается как обеспечивающее доступ к потенциально очень широкому спектру концептов, концептуальным комплексам или даже всей системе знания [1. С. 4].

Производное слово также рассматривается в современной словообразовательной парадигме в первую очередь как языковой способ представления структуры знания и/или его оценки [2. С. 408].

Словообразовательные модели предстают как формулы регулярной свертки пропозициональной структуры, производное слово – как краткая дескрипция обозначаемого, за которой подразумеваются те знания, которые должны быть «восстановлены» или, по крайней мере, учтены в акте понимания [2. С. 412].

Для того чтобы ответить на вопрос, какой именно концепт будет актуализирован в процессе речи в том или ином языковом окружении, весьма наглядным является сопоставительный анализ, который позволяет

проследить процесс реализации свернутого значения производного имени при переводе во всей его динамике. Исследования роли когнитивных пространств в переводе с одного языка на другой достаточно эффективно используются лингвистами для решения проблемы взаимоотношений действительности, мышления, сознания и языка.

Кроме этого, сопоставление текстов ИЯ и ПЯ с учетом изменений лексико-грамматических форм, семантических соответствий, логических связей и экстралингвистической действительности дает возможность вывести закономерности перевода. Расхождение когнитивных пространств носителей исходного языка и языка перевода предопределяет, какими могут оказаться расхождения в исходном и в переводном текстах.

Перевод – это всегда перемещение, но не между двумя языками, а между двумя культурами (двумя энциклопедиями) [3. С. 17].

Изучение когнитивных пространств при переводе нацелено на выявление закономерностей и особенностей межъязыкового и межкультурного речевого поведения, а также на их объяснение, учитывающее взаимопонимание и прогнозирование «провалов» коммуникации.

В данной статье предлагается рассмотреть концепт «*странности*» и его языковую и межкультурную репрезентацию на примере производного имени «*чудак*», а также ставится задача выявления некой условной ментальной единицы с культурно-этническим компонентом, определяющим специфику семантики языковых единиц естественного языка и отражающим языковую картину мира его носителей. Принимая во внимание результаты исследования, проведенного К.С. Парзян, где концепт «*странный*» в ментальности различных народов (на материале русского и английского языков) [4] является универсальным для русскоговорящего и англоговорящего сообществ, цель данной работы – проследить, насколько адекватно прочитывается закодированная информация в производном имени «*чудак*» при переводе и как при всей соотнесенности общего концепта отбираются эквиваленты для передачи активности того или иного компонента в семантике синкретичного имени.

Сопоставительный анализ позволяет определить различия в отношении народов к конкретному качеству и характеристики лица, а именно *чудаковатости, странности, отчужденности*. Сознание является областью пребывания концепта, т.к. концепт лежит в сознании, культура детерминирует концепт, т.е. концепт – ментальная проекция элементов культуры, а язык и речь – это те сферы, в которых концепт опредмечивается [5. С. 75–80]. Анализ семантики слова и ее реализация в переводе кристаллизуют лингвокультурный концепт, который отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки, акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Интерес именно к данному слову и выражаемым им концептам вызван прежде всего тем, что сам

концепт «странный», возникающий в рамках антиномии «свой/чужой», занимает особое место в современном осмыслении действительности. Так, Р.Н. Порядина в статье «Лики» чужого в народной культуре» утверждает, что данная категория является глубинным мировоззренческим стержнем современной политики. В настоящее время по линии категории «свой/чужой» происходит осмысление проблем суверенности – интегративности общества; самобытности культуры – взаимопроникновения культур; разнополярности – глобализации мира; самостояния – толерантности [6].

В русском языке категория «странности» соотносится с «чужим», «иным», «непонятным», «блаженным», «чудным», «иноземным», «чужестранным», иногда даже «абсурдным», а англоязычная трактовка данного концепта соотносится с лексико-семантическим рядом «strange», «different», «foreign», «incomprehensible», «others», «own», «odd», «simple – minded», «alien».

По результатам проведенного анализа в исследовании К.С. Парзян само толкование концепта в русском и английском языках и культурах носит схожие, единые характеристики, сложившиеся в результате развития общей мировой культуры. Но на основе статистического анализа представленных моделей концепта «странный» в русскоязычной и англоязычной картинах делается вывод о том, что в русском национальном сознании смысловое поле концепта «странный» более насыщено, чем в англоязычной картине мира [4].

Интересным для нас представляется исследование В. Карасика и Е. Ярмаховой, которые анализируют лингвокультурный типаж «английский чудак». Авторы работы утверждают, что данный типаж – зафиксированное в языковом сознании представление о типовом поведении человека, отличающегося от других в рамках британского социума, это отличие предполагает соотнесение поведения и привычек такого человека с усредненной нормой, отсутствие опасности со стороны такого человека и снисходительно-шутливое отношение к нему [7].

В работе также выявляются понятийные характеристики лингвокультурного типажа «английский чудак», которые сводятся к следующим конститутивным признакам: человек, вызывающий веселое недоумение своей необычностью, которая не представляет опасности. Эти признаки уточняются как эксцентричность джентльмена, либо экстравагантность представителя мира искусства, либо странность интроверта, либо рассеянность юного интеллектуала. А образно-перцептивные характеристики типажа «английский чудак» представляют набор стереотипов непонятного поведения сравнительно богатых людей, проявляющих необычную увлеченность занятиями, которые со стороны кажутся странными, неспособных адекватно вести себя в простых житейских ситуациях и пренебрегающих социальными правилами и условностями. Часто странность в поведении английских чудаков ассоциативно связывается с возрастными изменениями, дей-

freak *informal* someone who is extremely interested in a particular subject so that other people think they are strange or unusual and someone who is considered to be very strange because of the way they look, behave, or think – *чересчур склонный к чему-либо*;

stranger someone that you do not know – *незнакомый*;

nut *informal* someone who is crazy or behaves strangely – *сумасшедший и ведущий себя странно (My dad is such a nut. What are you, some kind of nut?)*;

odd-ball *informal* someone who behaves in a strange or unusual way – *странный и необычный*;

laughingstock someone has done something so silly that people have no respect for them – *совершивший глупость*;

fool a stupid person or someone who has done something stupid [=idiot] – *совершивший глупость*.

Если мы соотнесем выделенные компоненты в английских дефинициях, то выявим некоторые несовпадения, которые позволяют нам утверждать, что концепт странности в русском языке и его прочтение представителем англоговорящего социума, несмотря на внешнее сходство, тем не менее имеет некоторые отличия. Мы утверждаем, что различия возможно обнаружить, проанализировав формы репрезентации данного концепта. Так, мы можем наблюдать, что присутствуют компоненты значения, которые не могут быть переданы в английском языке одной структурной единицей, или же эквивалентность будет частичной.

превосходный ->	–
забавный ->	Makes people laugh
необычный/своеобычный -> оригинальный ->	Unusual
эксцентричный ->	Original
странный ->	Eccentric
непонятный ->	Strange
редкий/редкостный ->	–
непостижимый ->	–
делающий все не по-людски ->	–
	Is different from what is usual or socially accepted
нелепый ->	Silly
своенравный->	–

Для русскоговорящего уникальными представляются следующие грани концепта «странный»: **превосходный, непонятный, редкий/редкостный, непостижимый, своенравный.**

Для англоговорящего субъекта соответственно **whose job is to tell jokes and make people laugh, someone that you do not know, someone who is crazy, people have no respect for him, a stupid person.**

Почему мы уделяем внимание реализации концепта именно одной структурной единицей? По нашему мнению, упаковка концепта в доста-

точно емкий языковой знак говорит о том, что этот концепт является устойчивым, сформировавшимся в данной культуре, находящимся на подсознательном уровне, для активации которого достаточно употребить минимально возможный языковой знак.

Далее предлагается проанализировать актуализацию компонентов производного имени «чудак» в русском языке и их «прочитку» в переводе.

Слово «чудак» является синкретичным производным именем мутационной сферы словообразовательной системы русского языка. Производные синкретичных типов находятся в зоне функционально-семантического пересечения мутационного и модификационного словообразования. Термин синкретичное словообразование был введен З.И. Резановой в монографии «Функциональный аспект словообразования...» [12]. Положение данной сферы определяется наличием размытых границ между модификационной и мутационной сферами, что создает специфичную синкретичную семантику входящих в ее состав словообразовательных типов (СТ) и особые типы текстового функционирования производных, созданных по данным моделям. СТ характеризуются свойством семантического совмещения номинативного и прагматического аспектов. Например: словообразовательное значение СТ основа гл. +ун может быть сформулировано следующим образом: тот, кто характеризуется действием, названным производящей основой: *болтун* – тот, кто *болтает*. При этом в словообразовательное значение должно быть включено и значение отклонения от нормы данного признака: *болтун* – тот, кто *болтает*, делает это часто, т.е. имеет склонность к болтовству и это может быть хорошо/плохо. Таким образом, производное, называя лицо по характерному для него действию, включает модусный смысл рациональной оценки «больше нормы» и эмоциональную оценку «хорошо/плохо». Выделенные типы характеризуются как периферийные в системе именного словообразования и обслуживают разговорно-просторечный слой лексики [13. С. 13].

Предполагается, что и само понятие, выражаемое данной единицей, является синкретичным, оно также расположено на границе пересечения таких категорий, как «странность», «чуждость», «свой/чужой», «необычности», что и делает производную единицу «чудак» достаточно контекстостойкой.

Современное словообразование рассматривает семантику производного имени с пропозитивных позиций. Функционально-когнитивное изучение деривационных процессов в современных исследованиях ведется с учетом их пропозиционального характера. Производное имя формально и семантически соотносится с единицами синтаксического уровня – мотивирующим суждением, отражающимся в структуре словообразовательного значения. Производные фиксируют в СЗ структуру и семантику прототипического высказывания (см. работы М.Н. Янценецкой, Т.В. Шмелевой, А.В. Супруна, Ф.А. Литвина, Е.С. Кубряковой, Г.А. Золотовой, З.И. Резановой, Л.А. Араевой, Р.Н. Порядиной и др.).

Что касается семантики слова «чудак», то в данном случае основная пропозиция организуется предикатом (прилагательным), выражающим качество лица, а зависимая отражает факт отклонения от нормы, некую концентрацию признака: *чудной* – *чудак* «тот, кто характеризуется признаком “чудоковатости” больше нормы».

Словообразовательный тип осн. прилаг. + суф. *-ак* имеет в качестве мотивирующей единицы следующие ЛСГ прилагательных: прилагательные, обозначающие признаки человека, интеллектуальные свойства и состояния личности, черты характера человека: *смелый* «не поддающийся чувству страха, не боящийся опасностей» – *смельчак* «смелый человек, храбрец». Возможен как положительный, так и отрицательный спектр эмоционального отношения: «одобрительно», «ласкательно», «неодобрительно»: *простой* – *простак*, *добрый* – *добряк*, *веселый* – *весельчак*, *наивный* – *наивняк*.

К данной группе относятся СТ, имеющие общее словообразовательное значение: «лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом». Типы продуктивны в разговорной речи и просторечии.

В семантическом плане производные отадективных синкретичных СТ характеризуются как структуры полипропозитивные. **Основная пропозиция** характеристики выражается прилагательным в предикативной позиции. **Зависимая** отражает факт отклонения от нормы, некую концентрацию признака: *добряга* – тот, кто всегда добрый. Все производные отадективных типов организованы по второй модели, т.е. словообразовательное значение моделей этого типа представляет собой пропозицию характеристики: S характеризуется P. В пропозицию включен модус оценки (M1ql), наследуемый от мотивирующей единицы и выражающий отклонение от нормы (P≠N). Но данная модальность, как и наследуемая модальность отглагольных наименований, не находится в семантическом фокусе в процессе функционирования, а создает оценочный фон для синкретичного деривата.

Рациональная оценка (M2), выраженная семантикой словообразовательной модели и отражающая превышение нормы (P>N), т.е. «склонность» лица к обладанию данным признаком (M2qn), представляется как актуальная величина.

Эмотивный модус (M3) отражает эмоции субъекта по поводу превышения нормы (т.е. обычного количества признака), его интенсивности и, следовательно, также является частью семантики словообразовательной модели. Схематично данное положение представляется следующим образом:

«S2 полагает, что S1 характеризуется P, при этом P≠N (M1qn), но S1 характеризуется P всегда, часто имеет признак, проявленный больше нормы, следовательно, P’>N (M2qn) => и это вызывает реакцию (M3), которая может варьироваться от выражения позитивной эмоциональной оценки (ласкательно, одобрительно, почтительно, уважительно, вежливо, ласкательно-снисходительно и т.д.) до выражения негативной эмотивной

оценки (неодобрительно, пренебрежительно, презрительно, насмешливо, осудительно, бранно, грубо, уничижительно, порицательно, ласкательно-снижительно и т.д.)» [13. С. 79–80].

Рассмотрим пропозиционную структуру синкретичного производного **чудак** «Некто S2 полагает, что S1 характеризуется Р **чудной**, при этом $P \neq N$ (M1q1), и S1 **чудной** Р всегда, часто характеризуется, следовательно, **чудной** $P' > N$ (M2qn) $\Rightarrow$ и это вызывает реакцию (M3), в данном случае в спектре от «положительного» до «отрицательного».

В лексическом аспекте существование лишь одной модели семантической организации отадеквативных синкретичных дериватов может быть объяснено коммуникативной спецификой прилагательных. Как отмечает Е.М. Вольф, «...прилагательное совмещает в своей структуре семантический и прагматический аспекты языка. Этот факт отражается как в значении лексических единиц, относящихся к классу прилагательных, так и в их употреблении. Для прилагательных как класса слов характерно наличие субъективно-оценочных значений и соответствующих коннотаций. Таким образом, в самой семантике прилагательных оказываются связанными собственно семантический и прагматический планы высказывания» [14. С. 78].

В процессе словообразовательного моделирования признак, выраженный мотивирующей единицей, в отнесении к конкретному лицу становится оценкой этого Лица по тому или иному критерию. Л.В. Сахарный подобные наименования Лица называл *словами-характеристиками*. К числу их особенностей он относил то, что они не образуют новых понятий, а являются логическими эквивалентами уже выраженных понятий, трансформирующихся в другие части речи (существительные). «Субстантивация подчеркивает, усиливает характер экспрессии, придает признаку, характеризующему человека, оттенок постоянности, закреплённости» [15. С. 93]. Р. Лангаккер также утверждает, что если прилагательное передает ощущение от восприятия, существительное называет район концентрации этого признака [1. С. 196], т.е. вносит некое количественное преобразование: *веселый* – это человек бойкий, подвижный, проворный, что не соответствует нормативному представлению (M1q1) (Ср. *весельчак* – **всегда очень** бойкий, подвижный человек, что не соответствует нормативному представлению еще в большей степени, т.е. выражает признак интенсивнее (M2qn) и закрепляет его как постоянный).

Синкретичный дериват выражает чувства говорящего, который старается в речи охарактеризовать предмет эмоциональнее. Эмотивный модус (M3) является одним из основополагающих компонентов отадеквативного синкретичного деривата: *весельчак* – **всегда очень** бойкий, подвижный человек и это хорошо/плохо (M3). Конкретизация эмотивного модуса (M3) находит отражение лишь в оценочном высказывании. Рассмотрим данное положение на примерах: 1. *Насмешливый, злой на язык, бабник и весельчак, Лопахин словно бы дополнял всегда сдержанного, молчаливого Нико-*

лая... (Шолохов); 2. Фрол Рябинин – громче всех на народе, **весельчак**, Фрол Рябинин – популярная личность, у Фрола Рябинина какая-то блатная работенка, отдельная кабина и всегда свободные деньги (Солженицын). В первом примере эмотивный модус синкретичного деривата ориентирован на отрицательную модальность, что отражено характеризующим рядом с оценочным знаком (–): *насмешливый, злой на язык, бабник*. Во втором примере акцентирован положительный знак оценки: *популярная личность*.

С точки зрения лексического наполнения мотивирующие прилагательные синкретичных производных относятся по характеру обозначаемого признака, согласно классификации А.Н. Шрамма, к прилагательным рациональным. Рациональные прилагательные обозначают признаки, которые не только были восприняты органами чувств, а возникают в результате анализа, сопоставления, умозаключений. «В ходе мыслительного соотнесения воспринятого органами чувств признака с имеющимся в сознании “эталоном” (нормой) происходит его обобщение» [16. С. 18–19]. К этой же категории признаков следует отнести и такие, которые представляют собой оценку предмета, т.е. выражение отношения субъекта к выделенному признаку. Спектр тематических групп признаков, выраженных мотивирующими прилагательными, ограничивается следующими:

- признаки человека, обозначающие интеллектуальные свойства и состояния личности, черты характера человека (смелый, резвый);
- признаки человека, обозначающие его социальный статус, образ жизни (богатый, босой);
- признаки человека, определяемые его физической природой (толстый, рыжий);
- прилагательные, которые выражают оценку (милый, дорогой).

Данные мотивирующие прилагательные обозначают признаки человека и того, что непосредственно связано с ним (части тела, общий вид, внутренние характеристики), того, что представляется социально значимым. «Понятийная система человека обусловлена его “телесным опытом” и имеет смысл лишь в терминах этого опыта. Ядро понятийной системы непосредственно определяется перцептивным и моторным опытом человека, а также его социальными контактами» [17. С. 11]. Активное участие данных производных в словообразовательных моделях синкретичного типа демонстрирует тот факт, что синкретичная сфера имеет номинативно-прагматическую направленность. Цель синкретичного производного – именовать человека во всем многообразии его характеристик и выразить отношение Говорящего к тому, насколько данный человек вписывается в существующую нормативную картину и как на это реагирует Говорящий.

Кроме этого, производные синкретичные имена, имея пропозитивный тип словообразовательной семантики, осложненной модальностью, характеризуются особенностями текстового включения.

Синкретичный дериват входит в высказывание не как застывшая сущность с деактуализованной внутренней формой, а как структура ди-

намичная, в зависимости от коммуникативной потребности актуализирующая то фактор лексичности (смысловой компрессии), то фактор синтаксичности (смысловой и формальной расчлененности). Синкретичные имена в составе высказывания выступают как определенные «информационные структуры», способные определять форму высказывания в отношении к предполагаемым ментальным состояниям говорящих и слушающих [13. С. 151].

В результате проведенного анализа перевода контекстов, содержащих производную единицу *чудак*, было выделено 26 разноструктурных соответствий в английском языке. Такое разнообразие вариантов перевода вызвано, во-первых, как уже было показано, широкой размытой семантической мотивирующей единицы *Чудной* → *чудо*, а во-вторых, актуальностью всех компонентов расчлененной семантики данного производного имени, элементы которой активируются в зависимости от лингвопрагматического окружения. В данной статье предлагается рассмотреть структурно приближенные соответствия, а именно одиночные производные и непроизводные имена существительные, словарные определения которых были приведены выше. Акцент в данном исследовании делается на реализации как диктумного, так и модусного плана семантики производного в переводе, при этом модусный план все-таки представляется более проблематичным для передачи, учитывая наличие как минимум двух модусов (М2, М3) в оригинальной единице с возможной вариативностью знака оценки.

Как утверждает В.И. Шаховский, корреляция текстов часто соответствует формуле «то же, да не то же». По своей структурной формуле и по содержанию они варианты [18. С. 340]. Наибольшее варьирование наблюдается в плане коннотативной информации (в нашем случае выражении М1 и М2, именно эта информация трудна для перевода в силу идеотнических различий языков.

Неоспорима идея о том, что осмысленный отбор тех или иных вербальных средств выражения эмоциональности в зависимости от коммуникативной интенции указывает на прохождение эмоций через сознание и, следовательно, на то, что эмоциональное может быть частью рационального. Поэтому эмоциональное и рациональное необходимо различать, а не противопоставлять, они не образуют бинарной оппозиции.

Как правило, совпадающие данные нескольких переводов одного и того же произведения являются оптимально объективными: при сравнении планов выражения в исходном языке и в языке перевода устанавливается инвариант содержания, включающий денотативную и коннотативную информации и адекватность функциональной доминанты в денотативном и коннотативном проявлении.

Теория функциональной доминанты при трансляции текста на иностранный язык получила некоторое освещение в общетеоретических работах ряда ученых-переводоведов и лингвистов, которые утверждали о диалектической взаимосвязи текста оригинала и перевода, выделяли об-

щее, особенное и единичное при контрастивном изучении текстов (О. Каде, С.Д. Кацнельсон, В.И. Шаховский).

Традиционалисты считают, что информативна только денотативная функция языка/речи. Наблюдения над семантикой языковых единиц вообще и производных имен в частности и их функционированием показывает однако, что эмотивная и экспрессивная функции языка тоже информативны, т.е. коммуникативно релевантны, т.к. эмотивные и экспрессивные единицы языка семантически значимы. В свою очередь денотативная сторона всегда оценочна.

Тезис о коммуникативной релевантности экспрессивно-эмотивно-оценочных средств находит убедительное подтверждение при контрастивном изучении переводов с родного языка на иностранный и наоборот.

Известно, что оценочная информация наиболее активно по сравнению с другими семантическими компонентами сопротивляется передаче на иностранный язык из-за исторически культурных и социальных различий языков.

Так, например, средства и способы выражения одних и тех же эмоций в языках могут существенно различаться, поэтому переводчик фокусирует свое внимание не на соблюдении средств и способов, а на коммуникативной установке: направленности, типе, интенсивности эмотивного аспекта содержания подлинника.

Тексты оригинала и перевода будут динамически эквивалентными, если будут адекватными не только интеллектуальные, но и эмоциональные реакции реципиентов текстов на них.

Данный постулат может быть наглядно представлен вариантами перевода междометий и восклицаний, несущих главным образом коммуникативно-эмотивную функцию, где эмотивность имеет обязательный статус. Для передачи данной функции в переводах отмечается большая вариативность.

Для того чтобы проиллюстрировать данное положение, рассмотрим некоторые примеры из произведения У. Шекспира «Гамлет» (W. Shakespeare «Hamlet Prince of Denmark») и четырех его современных переводов на русский язык: «Гамлет, принц Датский» (Н. Полевой), «Гамлет» (А. Кронеберг), «Трагическая история о Гамлете, принце Датском» (М. Лозинский), «Гамлет, принц Датский» (Б. Пастернак):

Tush, tush! 'twill not appear.

Вздор! Он не придет.

Вздор, не придет он.

Чушь, чушь, не явится.

Да, так он вам и явится.

O God! O God!

Боже мой, великий Боже!

О Боже мой! О Боже милосердный!

Боже! Боже!
Heaven secure him
Храни нас небо!
Бог да защитит вас!
Да хранит вас небо!
Buzz, buzz!
Будто?
Быть не может!
Ки, ки!
Кудах – тах – тах, кудах – тах – тах...
Ha?
Увы!
А?
Разве нет?
Не правда ли?
Alas, alas!
Великий боже!
Увы!
Увы, увы!
O heavy deed!
Ужасно.
О, злое дело!
Быть не может!

Аналогичную картину можно наблюдать и при переводе именованных лиц, где оценочность и эмотивность являются неотъемлемой частью семантики, но актуализируются в зависимости от коммуникативной установки.

Так, в первом примере в процессе перевода производного имени «**чудак**» переводчик применяет опущение, при этом извлекается не вся семантика слова, а именно его денотативный компонент, а эмотивный компонент сохраняется и передается совместными усилиями сразу несколькими эмоционально нагруженными средствами: **Uh... But why?**

*А м е т и с т о в. Чего ж вы обиделись? Вот **чудак** человек! Между людьми одного круга... Да и что плохого в слове «маэстро»? (М. Булгаков. «Зойкина квартира»).*

But why? Among men of our breeding ...uh... what's wrong with "maestro". (Translated from the Russian by Nickolas Saunders and Frank Dwyer). 1990. Zoya's apartment.

В следующем примере, наоборот, переводчик использует такой прием, как добавление, причем как в аспекте денотата, так и коннотата. Слово **чудак**, во-первых, переводится развернутой дефиницией, для раскрытия объективного компонента семантики: **behaves very oddly...** а во-

вторых, добавляется оценочное имя *a laughingstock*, отсутствующее в тексте оригинала, но непосредственно направленное на передачу именно эмотивного заряда семантики **чудак**:

*Ганин в Александровске и крестьянин Жигулин в Дербинском. Последний, пришедший за женой и детьми, старик разыгрывает из себя **чудака**, похож на пьяного (Чехов).*

*Zhigulin, who followed his wife and children, is an old man and **behaves very oddly**; he appears to be perpetually drunk and is **the laughingstock** of the whole street (Translated from Russian by Luba and Michael Terpak).*

Далее предлагается проследить динамичную природу диктумного и модусного компонентов семантики производного имени «чудак» в контекстном окружении и их репрезентацию при переводе данных контекстов на английский язык.

Мы разделяем точку зрения В.И. Шаховского о том, что «эмотивные компоненты семантики слова, подобно логико-предметным, тоже понятийно обусловлены» [18. С. 71]. В результате эмотивный компонент семантики слова предстает как специфический способ указания на мир и как специфический способ представления понятия об эмоционально оцениваемом фрагменте объективного мира в слове, а через него в – в языковой, т.е. модельной картине мира. Анализ переводов с акцентом на передачу того или иного компонента семантики позволяет выявить, с одной стороны, нечто наднациональное, с другой – то, что является идеоэтническим.

Как уже отмечалось, в русском языке слово «чудак» используется для передачи довольно-таки широкого спектра категории **чудаковатости**. Для носителя русского языка, использующего данное слово, актуально некоторое отклонение именуемого лица от различных установленных норм, соответственно, денотат значения производного имени **чудак** насыщается из контекстного окружения, например: *человек в очках и читающий газету в очереди; тот, кто рад и сияет, как апельсин, хотя должен скрыться; тот, кто приехал из другого города или страны; тот, кто считает, что 3 версты – это много; тот, кто всегда, не взирая на лица, со всей откровенностью верноподданного высказывал свои мысли о средствах к спасению царя и государства Российского; тот, кто кланяется как актер; тот, кто не берется за самые трудные операции, не рисует самые широкие планы будущего и верит, что приносит человечеству громадную пользу...*

Что же касается эмотивного компонента, который, как мы уже отмечали выше, также является важной составляющей семантики производного, то он чаще всего в данных контекстах акцентируется посредством экспрессивного синтаксиса: восклицательные односложные предложения (Вот **чудак!**; **Чудак!**):

*А с т р о в ... Я берусь за самые трудные операции и делаю их прекрасно; я рисую самые широкие планы будущего; в это время я уже не кажусь себе **чудаком** и верю, что приношу человечеству громадную пользу... (Чехов).*

В русском варианте диктумное содержание производного можно представить как странную склонность к какой-либо деятельности, причем эмотивный компонент актуализирован со знаком «-», что может быть доказано семантикой отрицания, которая указывает на то, что все эти качества отсутствуют и они были отрицательными, т.к. сейчас *делаю их прекрасно, широкие планы на будущее, приношу громадную пользу.*

В переводе используется оценочное слово **freak** – *who is extremely interested in a particular subject*, которое также акцентирует отклонение от нормы и несет отрицательный заряд:

*At such times I no longer think of myself as a **freak** and I believe I'm bringing humanity enormous benefits (Translated from Russian by Ronald Hingley).*

Аналогичную актуализацию расчлененной семантики синкретичного производного с акцентом на положительный знак эмотивного модуса (*со всей откровенностью верноподданного*) возможно наблюдать в следующем примере:

*Александр Петрович знал, что его при дворе считают **чудаком** за то, что он всегда, не взирая на лица, со всей откровенностью верноподданного высказывал свои мысли о средствах к спасению царя и государства Российской. Все Ольденбургские принцы были такими, и все считались чудаками (Фазиль Искандер).*

В переводе используемое соответствие также сохраняет модус оценки и удерживает эмотивный модус в полуактивном состоянии:

*He knew that he was considered **a crank** at court because he always – without regard for rank, with all the candor of a loyal subject – spoke his thoughts on ways to save the czar and the Russian state (Translated from Russian by Susan Brownberger).*

Примеры, рассматриваемые ниже, интересны тем, что производное имя функционирует с полуактивными предикативным признаком, оценочным и неактивным эмотивным компонентом, которые получают экспликацию в переводе посредством соответствия **eccentric** – *someone who behaves in a way that is different from what is usual or socially accepted* – **поведение, социально неприемлемое**, которое является вполне приемлемым, т.к. данное слово в английском языке является оценочным, но мало-эмоциональным:

Актуализация компонентов семантики синкретичного производного имени «чудак»

*Какая-нибудь швея из магазина перебежит через Невский проспект с коробкою в руках, какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого повытчика, пущенная по миру во фризовой шинели, какой-нибудь заезжий **чудак**, которому все часы равны... (Гоголь).*

*Some seamstress from a shop runs across Nevsky Prospect, with a box in her hand, some pathetic victim of a humanitarian lawyer, reduced to begging in a frieze overcoat; some visiting **eccentric** for whom all hours are the same... (Translated from Russian by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky).*

*The old seamstress might run across Nevsky Prospect, holding a small box in her hands, some pitiful victim of a philanthropic attorney, thrust into the world in a frieze coat; some passing **eccentric** for whom time is meaningless... (Translated from Russian by Alexander Tulloch).*

*– За очень важное сведение, которое мне, как путешественнику, чрезвычайно интересно, – многозначительно подняв палец, пояснил заграничный **чудак** (Булгаков).*

*“For very important information that it, as a traveller, find extraordinarily interesting,” explained the **eccentric** from abroad, raising his finger in a meaningful way. (Translated from Russian by Diana Burgin and Katherine Tiernan O’Connor).*

*«For a most important bit of information, which is of the highest interest to me as a traveller», the foreign **eccentric** explained, raising his finger significantly (Translated into Russian by Mirra Ginsburg). ...said the **eccentric** foreigner... (Translated from Russian by Michael Glenny).*

Несколько иную картину представляет следующий пример, где производное имя занимает предикативную позицию, как оценочный, так и эмотивный компоненты находятся в активном состоянии:

*Вот **чудак**, думал принц, сделай у себя то же самое и не будешь скучать. Так и не решив, напомнить ему об этом или не стоит заводить с ним переписку, Александр Петрович бросил его письмо между ворохом ничемных и стопкой безотлагательных (Фазиль Искандер).*

В переводе же мы встречаем все то же слово **eccentric**, хотя переводчик и передает эмоциональный настрой использованием эмоциональной конструкции *Now there is*, соответствие передает большее отклонение от нормы (someone who behaves in a way that is different from what is usual or socially accepted), чем заложено в оригинале (тот, чьи поступки вызывают недоумение, удивление):

*Now there is an **eccentric**, thought the prince, do as I do at your own place, and you won’t miss mine (Translated from Russian by Susan Brownsberger).*

Далее в русском примере диктумное содержание синкретичного имени «чудак» насыщается от близстоящей языковой единицы *небритый*, следовательно, актуализируется значение отклонения от нормы (М2) в плане внешнего вида и, скорее всего, со знаком «→» эмотивного модуса (М3), который нивелируется в контексте положительно заряженными прилагательными *симпатичная, душу растворяющая*:

Очень симпатичная, душу растворяющая улыбка была у этого небритого чудака (Солженицын).

В переводе же семантическое насыщение передается английским существительным *stranger*, в семантике которого актуально несколько иное отклонение, а именно: *человек, который мне не знаком*. При этом эмотивный модус (М3) семантики *чудака* остается за рамками перевода.

The unshaven face of the stranger wore a trusting and sympathetic smile (Translated from Russian by Paul W. Blackstock).

В следующем примере производное находится в предикативной позиции с активированными модусом оценки и эмотивном модусом, которые активированы сравнительной конструкцией и синтаксической позицией приложения соответственно. В переводе же только рациональный модус отклонения Mq1 получает интерпретацию, эмотивный же остается невыраженным:

Сенька, он чудак, как артист: руку одну к сердцу прижал и головой кивает (Солженицын).

Senka was a comic: he put one hand to his heart and bowed like an actor (Translated from Russian by H.T. Willetts).

В примерах синкретичный дериват также функционирует с активными М2 и М3, которые получают адекватное выражение в оценочных эквивалентах *odd-ball, nut*, которые как по диктумному, так и по оценочному и эмоциональному заряду равны оригиналу:

Г е н н а д и й. По-твоему, большая – это версты в три? Чудак! (Задумчиво.) «Иоанн Грозный» больше не пойдет... (Булгаков).

On your scale I suppose «big» means a mile and a half. Odd-ball! (Translated from Russian by Carl R. Proffer and Ellendea Proffer).

К н у р о в. Значит, он за постоянство награжден. Рад, я думаю.

Актуализация компонентов семантики синкретичного производного имени «чудак»

*В о ж е в а т о в. Еще как рад-то, сияет, как апельсин. Что смеху-то!
Ведь он у нас **чудак**. Ему бы жениться поскорей да уехать в свое именишко,
пока разговоры утихнут... (Островский).*

*K n u r o v. What it all means, he's being rewarded for being faithful. He's
happy, I'm sure.*

*V o z h e v a t o v. Happy and then some, glowing like an orange. It's so funny! He's
really **a nut**. What he ought to do is marry her as soon as he can and take her away to his
little estate till the talk dies down (Translated from Russian by Norman Henley).*

Несколько иная картина представлена в следующем примере, где производное в аналогичной позиции и с теми же активными компонентами семантики переводится соответствием **fool**, которое, адекватно передавая оценку и эмоции, изменяет качество оценки и усиливает отрицательный заряд эмотивного компонента:

*Х л у д о в. Вот **чудак**! (Бросает Голубкову револьвер.) Сделайте одолжение,
стреляйте (М. Булгаков. «Бег»).*

***What a fool!** Do me a favour, fire! (Translated from Russian by Mirra Ginsburg).*

Проблематичным в переводе по тем же параметрам является и следующий пример с соответствием **eccentric**, качественно изменяющим семантику отклонения:

*There **you eccentric!** Do me a favour, shoot! (Translated from Russian by Carl R. Proffer and Ellendea Proffer).*

В последнем примере производное «чудак» употреблено дважды и оба раза с активным субъектным компонентом семантики, но в переводе передается в первом случае сочетанием прилагательное + существительное *crazy guy*, причем семантика прилагательного качественно отличается от семантики мотивирующего «чудак», а во втором случае, где опять же синкретичное имя в русском контексте функционирует с неактивным предикативным и модусным смыслами, также передается оценочным существительным *nut*, сохраняющим семантический компонент «сумасшедствия», который отсутствует в русском варианте.

*Цезарь Шухову улыбнулся и сразу же с **чудаком** в очках, который к очереди все газету читал: Аа-а! Петр Михалыч!*

*И – расцвели друг другу, как маки. Тот **чудак** сказал... (Солженицын).*

*Caesar shot a smile at Shukhov and started talking right away with some crazy
guy in glasses who was reading a newspaper in the line... **The nut** in the glasses said...
(Translated from Russian by Max Hayward and Ronald Hingley).*

Таким образом, концепт «странности», представленный в русском менталитете производным именем «чудак», действительно в переводе может получать качественно отличную интерпретацию, что свидетельствует о различной структуре концепта странности в русском и английском социуме и преломлении культурного знания в переводе.

Литература

1. *Langacker R.* Foundations of Cognitive Grammar. Stanford V-II, 1991. 589 p.
2. *Кубрякова Е.С.* Язык и культура. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
3. *Есо U.* Experience in Translation. Toronto; Buffalo; London, 2001. 135 p.
4. Режим доступа: www.adygnet.ru/nauchrab/uchrab_new/nauchres/docs/avtoreferat_parzjan.doc
5. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной науки. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
6. Режим доступа: vestnik.tsu.ru/vestnik/archive/14-vyshel-iz-pechati-295-fevral-2007.html
7. Режим доступа: www.philolog.pspu.ru
8. Режим доступа: <http://www.rulib.info/word/chudak.html>
9. Режим доступа: ru.wiktionary.org/wiki/чудак
10. *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. М., 2001. С. 715.
11. *Longman* Dictionary of Contemporary English, CD-ROM.
12. *Резанова З.И.* Функциональный аспект словообразования. Русское производное имя. Томск, 1996. 218 с.
13. *Нагель О.В.* Русские именные словообразовательные типы синкретичной семантики (функционально-когнитивный аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 203 с.
14. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978. 199 с.
15. *Сахарный Л.В.* Вопросы истории и диалектологии русского языка. Свердловск, 1963. С. 115.
16. *Шрамм А.Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных. М., 1981. 60 с.
17. *Скребцова Т.Г.* Американская школа когнитивной лингвистики. М., 2000. 201 с.
18. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М., 2008. 416 с.

ACTUALIZATION OF SEMANTIC COMPONENTS OF SYNCRETIC DERIVATIVE «CHUDAK» IN STRUCTURALLY EQUIVALENT TRANSLATION Nagel O.V.

Summary. The paper is concerned with the study of the syncretic derivative «chudak» as a language realization of concept «strangeness». The degree of awareness of the coded information in the semantics of the syncretic derivative in translation is being researched. The focus of the paper is shifted to the problem of adequacy degree in choosing structurally equivalent variants to convey active semantic components of the syncretic derivative.

Key words: syncretic derivative, concept, mental experience, typology, equivalency, evaluation, emotive component.